

СЛОВАРНЫЕ ПРОЕКТЫ И ТРУДЫ

DICTIONARY PROJECTS AND WORKS

Научная статья

УДК 811.511.13373.221+374.3(511.13)

doi: 10.17223/22274200/32/2

Современная коми-пермяцкая фитонимическая лексика в связи с вопросами ее лексикографирования

Мария Владимировна Боброва¹, Роман Валентинович Гайдамашко²

^{1,2} *Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *bomaripgu@yandex.ru*

² *gaidamashko@gmail.com*

Аннотация. Рассматривается лексика тематического поля «Растительный мир» в современном коми-пермяцком языке в лексикографическом аспекте. Обобщаются и уточняются принципы организации коми-пермяцкой лексики, которые необходимо учитывать для повышения качества, точности и верифицируемости описания слов в тематических двуязычных словарях. Разработанные принципы нацелены на повышение качества лексикографирования, объединение подходов традиционной и современной (антропоориентированной) лексикографии.

Ключевые слова: растительный мир, фитонимия, коми-пермяцкий язык, коми-пермяцкая диалектология, отфитонимная ономастика, лексикография, Пермский край

Для цитирования: Боброва М.В., Гайдамашко Р.В. Современная коми-пермяцкая фитонимическая лексика в связи с вопросами ее лексикографирования // Вопросы лексикографии. 2024. № 32. С. 24–42. doi: 10.17223/22274200/32/2

Original article

doi: 10.17223/22274200/32/2

Modern Komi-Permyak phytonymic vocabulary in connection with issues of its lexicography

Maria V. Bobrova¹, Roman V. Gaidamashko²

^{1,2} *Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russian Federation*

¹ *bomaripgu@yandex.ru*

² *gaidamashko@gmail.com*

Abstract. The article analyzes the vocabulary of the thematic field “Plant World” in the modern Komi-Permyak language in the lexicographical aspect. The publication in 2021 of the monographs *Materials for a Dictionary of Komi-Permyak Names of Mushrooms* and *Materials for a Dictionary of Komi-Permyak Names of Plants* was an important step in the development of Komi-Permyak lexicology and lexicography, but at the same time raised a number of significant questions for the lexicography of the Komi-Permyak language and other Finno-Ugric languages of Russia. The aim of this article is to generalize and clarify the principles of organization of Komi-Permyak vocabulary, which must be taken into account to improve the quality, accuracy and verifiability of word descriptions in thematic bilingual dictionaries. The main objective is to summarize observations of the vocabulary of flora, which are reflected in scattered publications and handwritten works. The authors start from a number of fundamental issues of lexicographic description of vocabulary in a thematic (botanical) dictionary: (1) an urgent problem is the compilation of a dictionary of Komi-Permyak phytonyms, including all available data; (2) the spelling of heading words should be based on consistent spelling principles, but in a dictionary entry it is advisable to reflect all spelling options available in the sources; (3) the preparation of a phytonym dictionary should be carried out with the direct cooperation of philologists and specialists in local flora (botanists); the dictionary entry must be accompanied by links to sources, territorial and temporal references of the units described; (4) to increase the scientific value of lexicographed materials, it is advisable to accompany linguistic data with additional information of strictly linguistic, philological, encyclopedic and other nature. Within the framework of these conceptual approaches, pressing issues of the spelling of Komi-Permyak phytonyms are considered; important elements (zones) of a dictionary entry are analyzed; issues of collection, selection and certification of data, interpretation of semantics, illustration of definitions, inclusion of additional information (onomastic parallels, etymological, encyclopedic references, ethnolinguistic comments, etc.) are discussed. The developed principles are aimed at improving the quality of lexicographing, combining the approaches of traditional and modern (anthropo-oriented) lexicography.

Keywords: flora, phytonymy, Komi-Permyak language, Komi-Permyak dialectology, phytonymic onomastics, lexicography, Perm Krai

For citation: Bobrova, M.V. & Gaidamashko, R.V. (2024) Modern Komi-Permyak phytonymic vocabulary in connection with issues of its lexicography. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 32. pp. 24–42. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/32/2

Введение

К настоящему моменту недостаточно изучены многие языки коренных народов России, среди которых язык коми-пермяков, проживающих преимущественно в Коми-Пермяцком округе Пермского края и являющихся третьим по численности народом в пермском многонациональном регионе. Наиболее полным источником сведений о коми-пермяцких нарицательных именах является словарь Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман [1], включающий лексические единицы различных идиомов: литературного языка, разговорной речи и диалектов, общеупотребительные и специальные, современные и архаичные. Иные источники значительно устарели и/или отличаются гораздо меньшим охватом лексики.

Еще в 1869 г. Н.А. Рогов обосновывал актуальность создания своего словаря тем, что «пермяки заметно русеют и что природный язык их начинает теряться и заменяться русским» [2. С. 3], и по прошествии полутора веков эта проблема лишь обострилась. Кроме того, коми-пермяцкий язык и его диалектные подсистемы неизбежно трансформируются под влиянием социально-экономических и социокультурных факторов. Помимо этого, под влиянием русского языка и социокультурных процессов (изменение бытовых условий, образа жизни, утрата традиционных промыслов и т.п.) происходит активная архаизация, вымывание собственно коми-пермяцкой лексики и интенсивное пополнение коми-пермяцкого языка заимствованиями из русского языка либо посредством его [3. С. 32–48]. В итоге диалектологи констатируют исчезновение из живой речи даже таких слов, которые фиксировались еще в словаре Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман, не говоря уже о лексике, представленной в словаре Н.А. Рогова.

Назрела потребность в современном, максимально полном словаре нарицательных слов (особенно двуязычном), в котором учитывалась

бы территория функционирования лексики. Важным шагом в этом направлении стала коллективная работа сотрудников пермских вузов, которые подготовили и издали ряд монографий [4; 5]. Словари являются двуязычными идеографическими, репрезентируют коми-пермяцкую лексику с переводом на русский язык, слова распределены по ряду тематических групп (о принципах составления словаря фитонимов см.: [4. С. 4–10]). Особо значимо, что эти словари аккумулируют не только лексические единицы, разбросанные по разным печатным источникам, но и данные о современном состоянии лексикона коми-пермяцких говоров, обследованного в последние годы авторами-составителями в ходе многочисленных экспедиций в Коми-Пермяцкий округ. Но, вероятно, сам жанр материалов предопределил специфику этих изданий, целью которых стала репрезентация лексикона, но не решение значимых для лексикографии вопросов.

Цель настоящего исследования – обобщение и уточнение принципов организации коми-пермяцкой лексики, которые необходимо учитывать для повышения качества, точности и верифицируемости описания слов в тематических двуязычных словарях. Основной задачей является обобщение наблюдений над лексикой флоры (общекоми-пермяцкими и диалектными фитонимами), которые отражены в разрозненных публикациях и рукописных работах.

Данная статья сопряжена с длительной историей разработок фитонимических (ботанических) словарей в отечественной лексикографии на материале русского языка. Каждый из них преследовал определенные автором, временем, господствующей на тот момент научной парадигмой и подобные цели и задачи: представить обобщающие энциклопедические сведения (как в «Ботаническом подробном словаре, или Травнике» 1781–1783 гг. А.К. Мейера), систематизировать ботанические наименования (как в «Ботаническом словаре» 1878 г. Н.И. Анненкова), репрезентировать фрагмент лексической системы, функционирующей на определенной территории (как в «Словаре народных названий растений Урала» 2000 г. Н.И. Коноваловой или «Словаре фитонимов Среднего Приобья» 2003–2006 гг. В.Г. Арьяновой) и др. В нашем же случае новизна и актуальность исследования определяется современным состоянием коми-пермяцкой лексикографии и поиском адекватных методов и способов представления языковых данных именно в двуязычном словаре.

Материалом для настоящей статьи послужили наименования растений (ботаническая номенклатура), их частей, представленные глав-

ным образом в словарях, помимо этого, в трудах иных жанров, а также в учебных научно-исследовательских работах. Некоторые такие сведения получены в ходе полевых исследований в Коми-Пермяцком округе и ранее не публиковались. Частично выявленные нами данные не отражены в указанных «Материалах для словаря коми-пермяцких названий растений» и «Материалах для словаря коми-пермяцких названий грибов» [4; 5].

При лексикографическом описании следует учитывать целый ряд аспектов функционирования народных фитонимов, бытующих в живой речи коми-пермяков. Рассмотрим эти аспекты в соответствии с традиционными этапами подготовки ботанического словаря и зонами словарных статей в нем.

Объем и источники словарных материалов

Единичный опыт составления специализированного ботанического словаря коми-пермяцкого языка [4] детерминирует специфику задач, которые встают перед современными исследователями. Очевидно, что такой словарь, который отражал бы исключительно актуальное состояние коми-пермяцкого литературного языка или даже литературного языка и территориальных диалектов, обладал бы низкой научной ценностью – в свете нивелировки говоров, активного вымывания исконной лексики, влияния русского языка и культуры и других процессов.

Коми-пермяцкие фитонимические данные хотя и были отражены в лексикографических трудах, но лишь в общем массиве лексики. Даже после выхода «Материалов...» [4] часть фитонимии по-прежнему разрознена по отдельным источникам и не учтена. А это ведет к значительному ограничению исследовательских и интерпретативных возможностей лингвистов, затруднениям в изучении диахронических процессов в коми-пермяцком языке.

Вследствие этого в отношении коми-пермяцких материалов считаем целесообразным объединить в одном словаре все доступные лингвистические сведения. Естественно при этом обязательное указание источника данных, в качестве которого могут выступить: основные печатные толковые словари коми-пермяцкого языка; словари исследователей, включавших пермяцкую лексику в словари коми-зырянского («*Syrjänisch*») языка; словари из монографий, посвящен-

ных описанию разных пермяцких диалектов; хрестоматии и сборники образцов живой речи; диссертационные исследования; полевые записи диалектологов; многочисленные рукописные материалы XVIII – начала XX в.; посвященные частным вопросам научные статьи; студенческие исследования и др. (ср. описание источников для материалов конференции в [6]). В случае утраты той или иной лексемы, семантических и иных трансформаций аппеллятивов данные обобщающего словаря способны косвенно указывать на период вымывания лексемы из языка, на причины перестройки лексической системы, на общую направленность лексико-семантических изменений. Иными словами, такой подход позволяет привнести в синхронический словарь исторические сведения, а благодаря «синхронико-диахроническому» подходу значительно повысить информативность лексикографического описания.

При отборе слов для ботанического словаря целесообразно ориентироваться на широкий круг лексики, отвечающий полемому принципу структурирования. Это могут быть слова различных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы), не совпадающие по количеству компонентов (однословные названия, сложные и парные слова, словосочетания), по происхождению (исконные коми-пермяцкие и заимствованные), принадлежащие к различным лексико-семантическим группам (не только номенклатурные единицы, но также общие (родовые) наименования; названия растений и названия плодовых тел (ягод); названия мест, где произрастают растения одного вида; лексика, связанная с созреванием плодовых тел, их сбором, переработкой, хранением, использованием и др.) и т.д. Частично такой подход был реализован в «Материалах» [4], однако, по нашему мнению, вопрос о разработке непротиворечивой и исчерпывающей идеографической сетки, моделирующей соответствующие фрагменты языковой картины мира коми-пермяков, не нашел в этом словаре своего окончательного решения.

В качестве критериев отбора слов могут быть приняты следующие: 1) лексема называет предметы и явления, образующие денотативную сферу данной области действительности (названия растений, их плодов, процессов сбора и заготовки ягод и т.п.); 2) лексема связана с понятием «растение» семантически (номинации, в которых присутствует сема 'растение', в том числе как неосновная: ср., например, *чирсны* 'отделять шелуху (от плодов растения)'). Расширительный

подход позволит отразить взаимодействие лексики разных тематических групп и полей, показать языковые данные в их связи с понятийной, когнитивной, лингвокультурной, этнокультурной и иными сферами.

Заголовочное слово: орфография коми-пермяцких фитонимов

Вопросы коми-пермяцкой орфографии до сих пор стоят весьма остро, и они напрямую влияют на коми-пермяцкую лексикографическую практику. Подробно остановимся на них, так как вопросы написания для обобщающего труда типа словаря принципиальны.

При передаче фитонимов на письме обычно придерживаются традиций, которые были заложены еще в первых публикациях, фиксирующих коми-пермяцкую лексику, и подкреплены рекомендациями наиболее авторитетных составителей коми-пермяцких орфографических словарей и «Коми-пермяцко-русского словаря» – Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман. Однако существуют альтернативные подходы к правописанию названий растений, озвученные в кандидатской диссертации Т.Н. Меркушевой, обнаруживаемые в различных источниках, в том числе в работах Е.Н. Федосеевой и Л.Г. Пономаревой. И, например, в упомянутых «Материалах» сохранено написание, предложенное в первоисточниках, однако это воспринимается как противоречие (ср.: *бус турун*, *вундасян турун*, *порсьёкок турун* и под., но *балямоиштурун*, *кёртдойтурун*, *пöдтурун* [4. С. 40, 43, 73, 36, 57, 74]). Факт расхождения способов написания названий растений ставит нас перед необходимостью уточнить принципы орфографии коми-пермяцких фитонимов.

Проблемы связаны, главным образом, с названиями, включающими родовые или гиперонимные элементы, в терминологии И.В. Бродского – «детерминанты», т.е. «применительно к структурно-семантическому исследованию... определитель класса объекта номинации» [7. С. 199]. В соответствии с нормами, предложенными в [8. С. 17; 9. С. 16], слова *турун* 'трава', *ягöд* 'ягода', *пу* 'дерево' и другие должны писаться слитно с другими частями – как такие, которые способны выступать в самостоятельном употреблении, но вместе с предшествующими компонентами образуют новое понятие. Аналогичное написание было установлено для словосочетаний, закрепившихся в качестве названий предметов, но в переносном (обычно метафорическом) значении (ср.: *ур бöж* 'беличий хвост' и *урбöж* 'полынь' [1.

С. 514], *катша син* ‘вороний глаз’ и *катшасин* ‘ромашка’ [1. С. 167; 8. С. 12]), иными словами, для лексикализованных словосочетаний.

Данные правила оправданы спецификой морфологической системы финно-угорских языков, в которых выделяют непрямые и производные простые слова, сложные слова и словосочетания, но при этом композиты и словосочетания структурно не различаются, в силу чего остро стоит вопрос о частеречной принадлежности отдельных компонентов. В отношении родственного коми-зырянского языка Г.В. Федюновой были определены следующие признаки сложных слов, отличающие последние от синтагм: «...а) твердый порядок следования компонентов, б) наличие главного ударения на первом слоге, в) общее значение, отличное от значений составляющих основ» [10. С. 453]. К словам коми-пермяцкого языка применимы пункты *а* и *в*.

С учетом того что «семантический критерий выдвигается в качестве одного из самых важных факторов в вопросах разграничения сложных слов и словосочетаний» [11. С. 29], Т.Н. Меркушевой предложены несколько отличные подходы к написанию некоторых единиц при сохранении общих принципов. В частности, ею противопоставляются единицы *вымдорчача* ‘ветреница лесная’ (букв. ‘приснежный цветок’), *ошпу* ‘бузина’ (букв. ‘медвежье дерево’), *сюрину* ‘бузина’ (букв. ‘цевка-дерево’) и *гöрд льöм* ‘красная черёмуха’, *гöрд сэтöр* ‘красная смородина’, *сьöд сэтöр* ‘чёрная смородина’, а также *пикта ну* ‘пихта’ (букв. ‘пихта-дерево’). Можно предположить, это было сделано на том основании, что в словах первого ряда внутренняя форма в какой-то степени затемнена, в то время как во втором прямая семантика компонентов сохраняется: так, в названии бузины неочевидна «медвежья» мотивация; а связь ветреницы со снегом, скорее, темпоральная, нежели пространственная (этот цветок произрастает не буквально рядом со снегом, а в то время, когда снег еще не сошел полностью). В отношении же *пикта ну* такой подход поддерживается заимствованным характером производящей лексемы *пикта* (из рус. *пихта*). Заметим, однако, что, на наш взгляд, он не оправдан, так как написание *пикта ну* меняет смысловые и грамматические характеристики компонентов, что отражается в итоге на концептуальном уровне понятия: *пихта* превращается в *пихтовое дерево*, которое встраивается скорее ряд понятий, связанных с прилагательным *пихтовый* (*пихтовое масло*, *пихтовые шишки* и т.п.), нежели в систему фитонимов типа *вöвпу* ‘ольха’, *ошпу* ‘бузина’ и т.п.

Кроме этого, выявлено, что разные авторы могут придерживаться различных способов передачи фитонимов на письме, ср.: *гёрд сэтёр* [1. С. 106] и *гёрдсэтёр* [11. С. 14]; *черёмка* [1. С. 532] и *чэриймка* [11. С. 16]; *сирень* [1. С. 430; 12. С. 304] и *с'ирэн'* [3. С. 37] (закономерен отказ Е.Н. Федосеевой от орфографической передачи слов в пользу фонетической) и др. Более того, обнаруживаются противоречия в работах одних и тех же авторов, но разных лет. Так, например, еще в орфографическом словаре 1966 г. Р.М. Баталовой и А.С. Кривошековой-Гантман утверждалось требование придерживаться слитного написания названий с компонентом *-турун*. Однако в [1] ими использовались разные способы передачи таких слов, ср. самостоятельные словарные статьи *битурун*, *вёйтурун*, *ладантурун*, другие – и написания *пистик турун*, *порсь кок турун*, *резун турун*, и подобные в статьях на *пистик*, *порсь*, *резун* соответственно¹. Подобные факты довольно распространены, что отмечает, например, И.В. Бродский², однако сам исследователь не предлагает каких-либо способов решения вопроса и использует несходные написания, ср.: «...удм. арама турын 'валериана'; коми зыр. егер турун 'вахта трехлистная'; коми перм. туй||дор||турун 'подорожник'», «коми зыр. көк||нитш 'кукушкин лен'; коми перм. көр нитш 'кладония'» [7. С. 206–207].

Считаем целесообразным придерживаться в словаре единообразия и опираться на следующие принципы орфографии коми-пермяцких фитонимов.

1. Традиционное слитное написание названий, включающих компоненты (гиперонимы) *-пу* ('дерево'), *-турун* ('трава'), *-ягёд* ('ягода'), а также *-цвет* ('цветок'), которые обозначают родовой признак растения, ср.: *пиктану* 'пихта', *бадьлу* 'ива', *дублу* 'ольха'; *дзуртантурун* 'очиток пурпурный' (букв. 'скрипучая трава'), *куимцветатурун* 'вахта трехлистная (трилистник водяной)' (букв. 'трехлистная трава'); *няпъягёд* 'ягоды шиповника', *муягёд* 'земляника' (букв. 'земляная

¹ Ср. также непоследовательные написания Ё и Ъ в [1]: *вежъягёд*, *льёмъягёд*, *мырьягёд*, *няпъягёд* и *бакванъягёд*, *гёрдыягёд*, *лөзъягёд*, *өзъягёд*.

² Ср.: «Существенным также является вопрос о представлении сложного (составного) названия растения, содержащего детерминант. В существующих работах по финно-пермским языкам, включая словарные, один и тот же фитоним может быть представлен в традиционном написании либо транскрипции как в слитном, так и раздельном написании. Особенно часто такое явление наблюдается в работах по пермским и волжским финским языкам» [7. С. 200].

ягода'); *тулысцвет* 'чистяк весенний' (букв. 'весенний цветок'), *лӧзчвет* 'синюха голубая' (букв. 'синий цветок') и т.п.

2. Слитное написание для лексикализованных словосочетаний, компоненты которых употребляются в переносном значении, ср.: *аканьсин* 'анютины глазки' (букв. 'глаз куклы'), *бабӧнянь* 'клевер красный' (букв. 'хлеб моей бабушки': клевер используется в пищу, в том числе в виде муки, которую добавляют в тесто при изготовлении хлеба) и т.п.

3. Раздельное написание компонентов, один из которых (обычно первый) является видовым либо качественным, ср.: *кушман* 'редька', *сьӧд кушман* 'черная редька', *курыт кушман* «горькая редька» – и *гӧрдкушман* 'свекла'.

4. Написание заимствований, по возможности совпадающее с написанием в языке-источнике (в русском языке), в силу значительной диалектной вариативности в коми-пермяцком языке и невозможности учесть все фиксируемые фонематические варианты: *пырей* (не *пырэй*), *рябина* (не *рйабина*), др. В исконных словах логично написание, максимально точно передающее фонематический состав слов, ср.: *туричерпу*, *тиынтурун*, *кӧбылалӧн*, *вэжъягӧд*.

5. Написание на стыке основ разделительного Ъ, наиболее точно отвечающего фонемному составу согласных коми-пермяцкого языка (за исключением слов, в которых исход предшествующей основы мягкий): *няпъягӧд*, *гӧрдъягӧд*, *лӧзъягӧд*, *дедьӧр*.

Целесообразно указывать в словарной статье все отличные написания, встретившиеся в источниках материалов.

Дефиниции. Паспортизация и иллюстрация данных

Приходится констатировать, что собиратели фитонимии (нередко студенты-филологи) очень часто не обладают достаточной квалификацией. Как следствие, может наблюдаться неполнота, неточность и даже недостоверность данных. Так, очень часто в полевых записях указана родовая принадлежность, но не уточнены видовые характеристики соответствующего растения в дефинициях типа 'ромашка', 'щавель', 'борщевик' и под. Известно, например, 52 вида борщевика, 130 видов осота, а ромашками носители наивного ботанического знания нередко называют не только около 20 растений данного рода, но также морфологически сходные растения других родов семейства

Астровых. Это диктует требование с особенной осторожностью формулировать толкования фитонимов, по возможности – с использованием научной номенклатуры, с опорой на специализированные издания (например, [13; 14]). В целях максимизации продуктивности, достоверности, верифицируемости исследования и его результатов ботанический словарь должен разрабатываться филологами в сотрудничестве с ботаниками – специалистами по местной флоре. В идеале весь цикл научного исследования должен осуществляться совместно: полевой сбор гербария и соответствующей фитонимии, первичная обработка и архивирование полученных материалов, сопровождаемая параллельным созданием баз данных различных типов, научный анализ данных и создание итогового научного продукта в виде словаря. Нам известен успешный такой опыт при изучении русской народной фитонимии Пермского края в сотрудничестве с М.В. Васевым; его результаты нашли отражение в студенческом исследовании¹, в отдельных научных статьях и в продолжающемся издании «Словарь русских говоров севера Пермского края» (Пермь, 2011–2023. Вып. 1–2: А–Д).

Обязательно указание всех фиксаций со ссылкой на источники, с территориальной и темпоральной привязкой. Возможно привлечение комментариев информантов на русском языке.

Гундырч́а́ча. 1) Ветреница лесная (*Anemone sylvestris*). нердв. [11. С. 13]. 2) Подснежник (*Galanthus*). нердв. [1. С. 110].

Ладантуру́н. Валериана лекарственная (*Valeriana officinalis*) [1. С. 217]. Ср.: *Ладантурун. Пить её, если сна нету. Можно настоем, а можно и просто заварить. Собирать надо, пока кукушка не кукует* (пос. Купрос-Волок Юсьв.)².

Лапкóр. 1) Лопух (*Arctium*) [12. С. 150]. 2) Мать-и-мачеха (*Tussilago farfara*) [1. С. 218]. 3) Подорожник большой (*Plantago major*)³.

Данные примеры показывают, в частности, что идентичные наименования могут использоваться по отношению к близкород-

¹ *Васев М.В.* Об использовании растений сельским населением Чердынского района и названиях растений, бытующих в местных говорах : ВКР / науч. рук. С.А. Овеснов ; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2006. 45 с.

² *Кылосова В.В.* Номенклатура лекарственных растений (на материале коми-пермяцкого языка) : ВКР / науч. рук. К.Н. Прокошева ; Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2003. С. 22.

³ *Кылосова Т.П.* Лексика леса в коми-пермяцкой языковой картине мира : ВКР / науч. рук. И.А. Подюков ; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2017. С. 69.

ственным и/или внешне сходным неродственным растениям, в том числе на территории одного диалекта. Кроме того, сходные названия могут применяться по отношению к растениям, произрастающим на различных территориях. Все случаи тождественной номинации родственных и неродственных растений представляют интерес с точки зрения выявления закономерностей в фитонимической мотивационной базе, а в конечном итоге – в аспекте изучения миграционных волн на территории проживания коми-пермяков.

В силу значительности и значимости диалектных различий в коми-пермяцком языке считаем необходимым по возможности максимально точно указывать места фиксации лексических единиц, вплоть до конкретных населенных пунктов. Это особенно важно в рамках ареальной лингвистики, национальной диалектологии, исторического языкознания.

Очень важно сопровождение дефиниций иллюстративными материалами из живой народной речи, в которых проявляется специфика функционирования фитонимической лексики в максимально широких контекстах, даются народно-этимологические справки, обнаруживаются этнографические сведения и т.д. Ср. о растении *чарлапíнь* ‘тысячелистник обыкновенный’ из коми-пермяцкого *чарла* ‘серп’ и *пíнь* ‘зуб’: *Раньше ведь серпом убирали урожай, кто-нибудь обязательно порежется, а тысячелистник тут и есть* (пос. Купрос-Волок Юсьв.). Особенно важно приводить имеющиеся иллюстрации на коми-пермяцком языке, но с переводом на русский. Но и наличие иллюстраций на русском языке мы допускаем, если на нем осуществлялся опрос информантов.

Дополнительные сведения

По нашему мнению, значительно повысить научную ценность словарных материалов способны дополнительные сведения о функционировании лексики в речи. Это факультативные элементы статей, целесообразность включения которых в словарь апеллятивной лексики должна определяться индивидуально.

А. Этимологические и мотивационные справки значимы, прежде всего, в лексико-семантическом ключе, в аспекте отражения мотивационных связей – в коми-пермяцкой фитонимии, а также при решении проблем исторической направленности, однако они могут найти

применение и в словообразовательных, этнолингвистических и иных исследованиях. Ср. в названиях, мотивированных лекарственными свойствами растений: *пöддöмлечитантурун* ‘паслен сладкогорький’¹ – букв. «удушье лечащая трава», *горшивисянтурун* ‘ромашка пахучая’² – букв. «горловая болезнь трава».

Б. Энциклопедические (ботанические, этнографические) справки могут указывать не только на особенности растений и их частей, но также и на мотивационные признаки номинаций. Ср.: *кöчвйж* ‘плаун булавовидный’, букв. «ловушка на зайцев»: «... растение имеет ползучий стебель, который тянется по земле и можно запутаться в нём, как в силке» [11. С. 13]; *ошсьöктán* ‘папоротник мужской’, букв. «медвежье шило»: «... корневище папоротника косо-приподнимающееся и по форме напоминает шило» [11. С. 14].

В. Лингвистические, фольклорные параллели, этнолингвистические комментарии также могут быть небесполезны для лексикографов и пользователей словаря. Штрихи ономаσιологического портрета способствуют воссозданию не только лингвистического, но и культурного образа реалии. Учет такого рода сведений может помочь избежать ошибок в интерпретации мотивационных связей лексики, например буквализации мотивационных моделей, что особенно свойственно молодым исследователям. Ср., в частности, такую трактовку фитонимов *туричэрун* ‘калина’ (букв. «журавль – ствол – дерево») и *ошсэтöр* ‘красная бузина’ (букв. «медвежья смородина»): «Название кустарники получили по ассоциативному признаку, принадлежностью к животным, так как они употребляют в пищу плоды данных кустарников»³. Более убедительно звучит мысль Е.Л. Березович и М.Э. Рут о том, что при использовании в номинациях названий диких животных добавляется такая черта ономаσιологического портрета реалии, как «не предназначенный для человека», или же такая черта животного, как «противопоставленный человеку» [15. С. 34]. Это подтверждается существованием фитонимов *мортпикан* (букв. «человеческая сныть») ‘сныть обыкновенная’ и *мортпистик* (букв. «человеческий хвощ») ‘хвощ полевой’, которые употребляются в пищу, используются в народной медицине. Впрочем, наименования конкретных животных могут привносить и специфичное культурно-

¹ *Кылосова Т.П.* Указ. соч. С. 71.

² Там же.

³ Там же. С. 12–13.

символическое значение. Так, в противопоставление «человеческим» фитонимам отмечены названия несъедобных растений *кӧчпикан* (букв. «заячья сныть») ‘сныть обыкновенная (?)’, *кӧчпистик* (букв. «заячий хвощ»), *кульпистик* (букв. «чертов хвощ»), *понпистик* (букв. «собачий хвощ») ‘хвощ лесной, луговой, болотный и другие в отличие от хвоща полевого’ [4. С. 71–72]. Также, например, компонент *ош* ‘медведь’, ‘медвежий’, наряду с идеограммами «не предназначенный для человека», «несъедобный» в названиях типа *оштабӧк* ‘гриб дождевик’, способен передавать идею сильного, мощного проявления какого-либо свойства растения, например в фитониме *оштабӧк* ‘багульник болотный’: аромат этого растения буквально сбивает с ног, отравление возникает уже через 15 минут нахождения в зарослях багульника. См. более подробно о коми-пермяцких фитонимах, содержащих названия животных, в [16].

Г. **Дополнительные списки.** В частности, в силу значительной распространенности интердиалектной омонимии и полисемии целесообразным представляется сопроводить основную словарную часть работы, которая будет отражать эпидигматику фитонимов, приложениями со списками синонимических рядов – с указанием всех зафиксированных наименований каждого растения. Продуктивность последующего анализа и интерпретации такого материала ранее уже продемонстрировала в своей кандидатской диссертации Т.Н. Меркушева [11. С. 14–16].

Д. **Ономастические данные** (восходящие к фитонимам имена собственные) представляются наиболее интересным и информативным видом дополнительных сведений. Так, привлечение прозвищного материала для описания апеллативов позволит, в частности: 1) расширить представления об особенностях функционирования апеллативной лексики в процессе непосредственной коммуникации коми-пермяков; 2) отразить живые языковые процессы (в частности развитие семантики, лексико-семантические сдвиги, установление новых парадигматических и синтагматических связей и др.); 3) проиллюстрировать специфику диалектных различий; 4) отразить специфику взаимодействия коми-пермяцкого и русского языков; 5) отразить лингвокультурные особенности лексики (подробнее см. в [17]).

Приведем в качестве примера несколько отфитонимных прозвищ коми-пермяков (курсивом выделены цитаты из живой речи или анкет, в последнем случае – с сохранением авторской орфографии и пункту-

ации): *Гõнапикан Сёйисэз* ‘прозвище жителей д. Пуксиб’ (из *гõнапикан* ‘борщевик мохнатый’, *сёйисэ* – причастие от глагола *сёйны* ‘есть, съесть’) (КПО)¹; *Кõнтусь* ‘прозвище мужчины маленького роста’ (из *кõнтусь* ‘конопля’) (КПО); *Петийõр* ‘прозвище женщины – очень строгого врача’ (из *петийõр* ‘крапива’): *Петийõр* <*крапива*> (*она врач, и дети ее боялись, как крапиву*)... (*очень строгая*) (КПО) и др. (ср. также наблюдения в [19]).

При разработке словарей «смешанного» типа (в сочетании имен нарицательных и собственных) требуются специфичные подходы в подаче ономастического материала, которые заслуживают освещения в отдельных публикациях.

Заключение

Таким образом, можно выделить следующие принципы словарного описания современных коми-пермяцкой фитонимии:

1. При отборе слов для ботанического словаря следует привлекать широкий круг словарных и иных источников (за исключением тех, в которых лексика не переводится) разного времени (с XVIII в. до наших дней) и типа (как с литературной, так и с диалектной, специальной и другой лексикой). В словник желательно включать широкий круг лексики, отвечающий полевому принципу структурирования.

2. При передаче фитонимов на письме уместно опираться на непротиворечивые принципы орфографии относительно слитного/раздельного написания, употребления разделительного знака и др. Целесообразно сопровождать словарные статьи всеми встретившимися в источниках орфографическими вариантами.

3. В целях достоверности толкований и верифицируемости лексических единиц ботанический словарь должен разрабатываться в сотрудничестве с ботаниками – специалистами по местной флоре. Обязательно указание всех фиксаций со ссылкой на источники, с территориальной (вплоть до конкретных населенных пунктов) и темпо-

¹ Ср. в русских говорах *Пиканники* ‘коллективное прозвище жителей г. Кунгура’: «Глухие свидетельства традиций прошлого – местные прозвища типа *оханский капустник* о жителе Оханска, *пиканник* о кунгуряках (прозвище жителей Кунгура связывают с тем, что во время первого заселения края здесь был сильный голод, отчего им пришлось питаться исключительно полевыми растениями)» [18. С. 17].

ральной привязкой. Возможно привлечение комментариев информантов на русском языке.

4. При составлении словарных статей целесообразно привлекать дополнительные сведения о функционировании лексики в речи: этимологические и мотивационные справки; энциклопедическую (ботаническую, этнографическую) информацию; лингвистические, фольклорные параллели, этнолингвистические комментарии; списки синонимов; отфитонимные имена собственные и др.

Предложенные нами принципы позволят объединить подходы как традиционной, так и современной (т. е. антропоориентированной) лексикографии и в конечном итоге – повысить качество лексикографирования данных в тематическом словаре. Полагаем, таким подходам в наибольшей степени отвечает тип электронного, пополняемого обобщающего словаря, но он потребует уточнения принципов его составления, что определяет перспективу предложенных разработок.

Список сокращений

букв. – буквально; КПО – Коми-Пермяцкий округ Пермского края; нердв. – нердвинский диалект коми-пермяцкого языка; рус. – русский язык; Юсв. – Юсьвинский район Коми-Пермяцкого округа.

Список источников

1. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцко-русский словарь. М. : Рус. яз., 1985. 624 с.

2. Рогов Н.А. Пермяцко-русский и русско-пермяцкий словарь. СПб. : [Б. и.], 1869. VI + 415 с.

3. Федосеева Е.Н. Лексика северного наречия коми-пермяцкого языка. Сыктывкар : Ин-т языка, лит. и истории Коми НЦ УрО РАН, 2015. 196 с.

4. *Материалы* для словаря коми-пермяцких названий растений / авт.-сост.: Е.Л. Федосеева, И.И. Русинова, А.С. Лобанова, Ю.А. Шкураток, А.В. Кротова-Гарина; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. 1 Мб; 116 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovary-a-komi-permyackih-nazvanij-rastenij.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

5. *Материалы* для словаря коми-пермяцких названий грибов / авт.-сост.: Ю.А. Шкураток, О.В. Боталова, А.С. Лобанова, А.В. Кротова-Гарина, И.И. Русинова, Е.Л. Федосеева; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2021. 1 Мб; 80 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovary-a-komi-permyackih-nazvanij-gribov.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

6. Федосеева Е.Л. Источники коми-пермяцкой фитонимической лексики // Проблемы филологии глазами молодых исследователей : материалы конф. студ.,

аспирантов и молодых ученых, г. Пермь, апрель 2019 г. / [отв. за вып. Д.А. Сухоева]. Пермь : [Перм. гос. нац. исслед. ун-т], 2019. С. 92–95.

7. Бродский И.В. Детерминанты сложных (составных) названий растений в финно-пермских языках // Севернорусские говоры. 2014. Вып. 13. С. 199–222.

8. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкой орфографической словарь. Кудымкар : Перм. кн. изд-во, 1966. 258 с.

9. Баталова Р.М., Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкой орфографической словарь. 2-е изд., испр. и доп. Кудымкар : Перм. книга, Коми-перм. отд., 1992. 279 с.

10. Федюнева Г.В. Сложные слова // Коми язык. Энциклопедия / отв. ред. Г.В. Федюнева. М. : Изд-во ДИК, 1998. С. 453–454.

11. Меркушева Т.Н. Лексика флоры и фауны южного наречия коми-пермяцкого языка: дис. ... канд. филол. наук. Сыктывкар, 2003. 230 с.

12. Кузнецов П.С., Спорова А.М. Русско-коми-пермяцкой словарь. Кудымкар : Комипермгиз, 1946. 388 с.

13. Овеснов С.А. Конспект флоры Пермской области. Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1997. 252 с.

14. Иллюстрированный определитель растений Пермского края / С.А. Овеснов, Е.Г. Ефимик, Т.В. Козьминых и др. ; под ред. С.А. Овеснова. Пермь : Книжный мир, 2007. 743 с., ил.

15. Березович Е.Л., Рут М.Э. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания // Известия Уральского университета. 2000. № 17. С. 33–38.

16. Русинова И.И., Лобанова А.С., Федосеева Е.Л. Коми-пермяцкие фитонимы, содержащие названия животных // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. Т. 16, вып. 4. С. 578–591. DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591

17. Боброва М.В. Лексика тематического поля «Животный мир» в прозвищах коми-пермяков в связи с вопросами создания тематических словарей // Вопросы лексикографии. 2019. № 16. С. 6–22. DOI: 10.17223/22274200/16/1

18. Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 (Абалтус–Кычига) / науч. ред. И.А. Подюков. Пермь : [Перм. гос. пед. ун-т], 2010. 456 с., ил.

19. Боброва М.В. Коми-пермяцкая лексика растительного мира в этнолингвистическом аспекте (на материале современных прозвищ) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, вып. 3. С. 384–394. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-384-394

References

1. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1985) *Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk.

2. Rogov, N.A. (1869) *Permyatsko-russkiy i russko-permyatskiy slovar'* [Permyak-Russian and Russian-Permyak dictionary]. Saint Petersburg: [s.n.].

3. Fedoseyeva, Ye.N. (2015) *Leksika severnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [Vocabulary of the northern dialect of the Komi-Permyak language]. Syktывkar:

Institute of Language, Literature, and History, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

4. Fedoseyeva, E.L. et al. (2021) *Materialy dlya slovarya komi-permyatskikh nazvaniy rasteniy* [Materials for the dictionary of Komi-Permyak plant names]. Perm. [Online] Available from: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvaniy-rastenij.pdf> (Accessed: 01.02.2024).

5. Shkuratok, Yu.A. et al. (2021) *Materialy dlya slovarya komi-permyatskikh nazvaniy gribov* [Materials for the dictionary of Komi-Permyak names of mushrooms]. Perm. [Online] Available from: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/Materialy-dlya-slovarya-komi-permyackih-nazvaniy-gribov.pdf> (Accessed: 01.02.2024).

6. Fedoseyeva, E.L. (2019) [Sources of Komi-Permyak phytonymic vocabulary]. In: *Problemy filologii glazami molodykh issledovateley* [Problems of philology through the eyes of young researchers]. Proceedings of the conference for students, postgraduate students and young scientists. Perm. April 2019. Perm: Perm State University. pp. 92–95. (In Russian).

7. Brodskiy, I.V. (2014) Determinanty slozhnykh (sostavnykh) nazvaniy rasteniy v finno-permskikh yazykakh [Determinants of complex (compound) plant names in Finno-Permic languages]. *Severnorusskiye govory – Northern Russian Dialects*. 13. pp. 199–222.

8. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1966) *Komi-permyatskoy orfograficheskoy slovar'* [Komi-Permyak spelling dictionary]. Kudymkar: Permskoye knizhnoye izdatel'stvo. (In Komi-Permyak, Russian)

9. Batalova, R.M. & Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1992) *Komi-permyatskoy orfograficheskoy slovar'* [Komi-Permyak spelling dictionary]. Kudymkar: Permskaya kniga, Komi-permyatskoye otdeleniye.

10. Fedyunina, G.V. (1998) Slozhnyye slova [Compound words]. In: Fedyunina, G.V. (ed.) *Komi yazyk. Entsiklopediya* [Komi language. Encyclopedia]. Moscow: Izd-vo DIK. pp. 453–454.

11. Merkusheva, T.N. (2003) *Leksika flory i fauny yuzhnogo narechiya komi-permyatskogo yazyka* [Vocabulary of flora and fauna of the southern dialect of the Komi-Permyak language]. Philology Cand. Diss. Syktyvkar.

12. Kuznetsov, P.S. & Sporova, A.M. (1946) *Russko-komi-permyatskoy slovar'* [Russian-Komi-Permyak dictionary]. Kudymkar: Komipermgiz.

13. Ovesnov, S.A. (1997) *Konspekt flory Permskoy oblasti* [Synopsis of the flora of Perm Krai]. Perm: Perm State University. (In Russian)

14. Ovesnov, S.A. et al. (2007) *Ilyustrirrovannyi opredelitel' rasteniy Permskogo kraya* [Illustrated guide to plants of Perm Krai]. Perm: Knizhnyy mir.

15. Berezovich, Ye.L. & Rut, M.E. (2000) Onomasiologicheskii portret realii kak zhanr lingvokul'turologicheskogo opisaniya [Onomasiological portrait of reality as a genre of linguoculturological description]. *Izvestiya Ural'skogo universiteta*. 17. pp. 33–38.

16. Rusinova, I.I., Lobanova, A.S. & Fedoseyeva, E.L. (2022) Komi-Permyak phytonyms containing names of animals. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy – Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 16 (4). pp. 578–591. (In Russian). doi: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-578-591m

17. Bobrova, M.V. (2019) Vocabulary of the thematic field “Animal World” in the nicknames of the Komi-Permyaks in connection with the issues of creating thematic dictionaries. *Voprosy leksikografii – Russian Journal of Lexicography*. 16. pp. 6–22. (In Russian). doi: 10.17223/22274200/16/1

18. Podyukov, I.A. (ed.) (2010) *Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region]. Vol. 1. Perm: Perm State University.

19. Bobrova, M.V. (2020) Komi-Permyak vocabulary of the plant world in the ethnolinguistic aspect (based on modern nicknames). *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy – Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 14 (3). pp. 384–394. (In Russian). doi: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-384-394

Сведения об авторах:

Боброва Мария Владимировна – канд. филол. наук, доцент, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Гайдамашко Роман Валентинович – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: gaidamashko@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Maria V. Bobrova, Cand. Sci. (Philology), docent, senior research fellow, Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Roman V. Gaidamashko, Cand. Sci. (Philology), senior research fellow, Department of Dialect Lexicography and Linguogeography of the Russian Language, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: gaidamashko@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 22.05.2024.*

*The article was submitted 10.02.2024;
approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 22.05.2024.*